

В августе на Днях русской культуры в Каннах покажут картину Владимира Наумова "Часы без стрелок". В ролях: Валентин Гафт, Армен Джигарханян, Борис Щербаков и Наталья Белохвостикова. Осенью фильм выйдет на экраны страны. Белохвостикова играет там роль современной женщины, у которой убивают мужа — высокопоставленного чиновника. И из тихого, скромного создания она превращается в львицу. Честно говоря, сложно себе представить, как Наталья Николаевна сумеет в львицу превратиться. Ее огромные серые глаза и девичий голосок никак с этим образом не вяжутся. *МОСК-КОМСОМОНС — 2004 —* Белохвостикова — из той редкой киношной семьи, которой коллеги по цеху могут только завидовать или гордиться. От нее не дожدهшься жалоб на судьбу-злодейку, на режиссеров-негодников. Про таких говорят: живет, как у Христа за пазухой. И всем известно, что это за пазуха: ее муж, режиссер Владимир Наумов, автор многих отечественных бестселлеров.

Ее уютный дом. Ее красавица дочка. Обложка жизни часто бывает обманчива. Кисельные реки с молочными берегами оказываются лишь умылым камуфляжем. Но, слушая Белохвостикову, понимаешь: ее "карамельная страна" — реальность. В ней воплотился талант женщины, умеющей жить в гармонии с миром. 28 июля у Натальи Белохвостиковой круглая дата — юбилей.

— Наталья Николаевна, на экране вы часто производите впечатление ранимой, даже беззащитной женщины. В вашем характере действительно есть такие качества?

— Да, имеюся. Хотя мне чаще говорят, что я резкая, независимая, не улыбающаяся. На самом деле ваши определения правильнее. Я не то чтобы совсем беззащитная, но во всяком случае — не революционерка. Думаю, это из детства. Оно у меня было странное.

— В чем его странность?

— Папа и мама — дипломаты. Первые годы жизни я провела с ними в Лондоне, а потом жила с бабушкой в Москве, потому что русских школ за границей не было. Бабушка у меня была потрясающая: малограмотная деревенская женщина, удивительно мудрая, сильная. Но очень замкнутая. С ней я прожила до девятого класса, часто оставаясь наедине с книжками и со школой, которую честно посещала.

— Поэтому у вас такой негромкий голос — необычный для актрисы?

— Да. Еще маленькой я очень любила кино, но понимала для себя невозможность заниматься актерской профессией в силу характера. Меня даже посещали мысли стать оператором. Оператору ведь громко разговаривать не надо.

— Но еще будучи ребенком, вы уже сыграли свою первую роль.

— Это был даже не эпизод. Марк Донской приехал в Стокгольм снимать трилогию о матери Ленина, привез с собой костюмы Марии Александровны и Владимира Ильича. Ему надо было снять общие планы в Стокгольме. Он пришел к папе, который тогда был послом в Швеции, и сказал: "Николай Дмитриевич, мне нужны мужчина и женщина на три дня". Папа ответил: "Взрослые заняты — есть только дети". Всех нас выстроили в рядок, а я в свои тринадцать лет была точно такого же роста, как сейчас. 75-летняя Елена Алексеевна Фадеева, игравшая Ульянову, тоже была большелобая, и Донскому показалось, что меня можно облачить в ее костюм. Тогда я в первый раз встала на огромные каблуки. Очень тяжело, я вам скажу, в тринадцать лет! Но играть ничего не пришлось — только проехать в пролетке по булыжной мостовой.

— При поступлении во ВГИК тихий голос вам не помешал?

— Я ведь поступала довольно своеобразно. Сергей Аполлинарьевич Герасимов буквально поймал меня в коридоре студии Горького. Я пришла туда посмотреть картину Марка Донского. Мы встретились, и Марк Семенович в шутку сказал: "Вот девочка в артистки собирается". А я была с длинной косой, большелобая, пушистые глаза, ноль косметики, шестнадцать лет. Через несколько дней мне позвонил художник Борис Дуленков и сообщил: "Сергей Аполлинарьевич просил передать, что если девочка не передумала, пусть она первого сентября зайдет во ВГИК".

— Разумеется, вы не передумали.

— Не совсем. Первого сентября вместо школы я приехала в институт, подошла к аудитории и увидела Наташу Аринбасарову, которая только что вернулась с фестиваля в Венеции, Колю Еременко, Наташу Гвоздикову. Все были красивые, счастливые от того, что они — герасимовцы. А Сергей Аполлинарьевич задерживался в Госкино. Я тихо стояла, мучилась, ловила на себе косые взгляды: мол, что за ребенок с косой по колено? Постояла и подумала: вернусь-ка я лучше в свою 20-ую спецшколу, доучивать английский язык. Приехала домой, родители были в отпуске, и папа меня сразу спросил: "Ну как? Тамара Федоров-

На съемках фильма "Часы без стрелок": "Мой муж — это мой тыл".

на, Сергей Аполлинарьевич — что они тебе сказали?" Я ответила, что никого не видела: не дождалась. И что мне вообще там не очень понравилось — я иду в школу. Отец усадил меня и спросил гениальную вещь: "Наташ, ты взрослая?" Я говорю: "Да". — "Тогда давай поезжай-ка обратно". Взял мне такси и отправил во ВГИК. Герасимов разрешил мне приходить на курсы вольным слушателем. А ночью физику-химию учила.

— Ваш дебют, наверное, оправдал все надежды ваших близких?

— Да, им стал фильм "У озера". Сергей Аполлинарьевич прочел сценарий на курсе и сказал, что Коля Еременко играет Алешу, Наташа Аринбасарова — балерину. Главная героиня внешне была очень похожа на меня, но Герасимов решил, что на эту роль он будет пробовать, искать девочек. Прошло несколько дней — меня позвали на студию Горького. Никому ничего не говоря, полгода я приходила туда после ВГИКа и каждый день репетировала роль, делала пробы грима, фото- и кинопробы.

— Почему так долго?

— Очень далекий от меня персонаж оказался. Мы долго шли друг к другу. А после выхода картины все сказали: вот, сыграла саму себя.

— И очень скоро в вашей жизни появился Владимир Наумов. Но, насколько я знаю, существуют две версии вашего знакомства.

— Почему же — одна. Мы вместе летели на фестиваль в Югославию. Я — с фильмом "У озера", а он — с "Бегом". Помню, мне позвонили и сказали: "Полетишь с Наумовым — знаешь такого режиссера?" Я ответила: "Конечно, только никогда его не видела". Он меня тоже не видел, и чтобы мы не потерялись, одна дама из Союза кинематографистов повезла нас в "Шереметьево". Там мы и познакомились.

— А Владимир Наумович утверждает, что впервые увидел вас еще девочкой-подростком.

— То была маленькая встреча в Стокгольме, которую я не запомнила. Володя приехал на Неделю советского кино как глава делегации, в которой была и Гаяль Польшких. А я тогда читала все журналы о кино, и мне очень нравилась Галина Польшких. Узнав, что она придет на прием в посольство, я по-пластунски проползла на балкон, чтобы увидеть, как в дом входят гости. Детям ведь не полагалось присутствовать на приемах. Но я прозвала и Гаялю, и Володю — даже не знала тогда, что есть такой режиссер. Он сидел в папином кабинете, я ходила мимо, не обращая на него никакого внимания.

— Вы вышли замуж за мужчину, который не только умен и талантлив, но еще и красив, и известен. Вам многие завидовали?

— Думаю, что да. Хотя зависть эту я ощущаю очень слабо. Ведь плохое вряд ли кто скажет в лицо.

— И вам никогда не ставили палки в колеса?

— Нет, я же никому никогда не переходила дорогу.

— Юная актриса и уже маститый режиссер. Довольно значительная разница в возрасте — двадцать с лишним лет — не вызвала у вас смущения или робости?

— Никакой робости — наоборот, только ощущение парения над землей. Я открывала для себя совершенно новый мир, который был для меня закрыт до встречи с Володей. Я стала любить и познавать кино, которое любит он. Живопись, которую он потрясающе знает и сам великолепно рисует. Стихи, которых у него в памяти тысячи и которые он читал мне ночами. Я, может быть, даже постигала себя через фильмы Алова и Наумова. Да! В картине "Легенда о

КАРАМЕЛЬКА

Тиле" я открывала артистку Белохвостикову. Сама с собой знакомилась.

— Получается, муж стал вашим Пигмалионом. А в житейском смысле он учил вас жизни?

— Нет, напрямую не учил. Но он очень сильный человек. И очень верный. И очень достойный. Эти качества, по-моему, — самые ценные в мужчине во все времена. А с другой стороны, он фантазер, неуемный рассказчик, всегда фонтанирующий идеями, не умеющий отдыхать. Отдыха у нас совершенно не бывает. Все начинается рано утром, часов в восемь, и в час ночи заканчивается, суббота и воскресения нет. Лета нет, Нового года и каникул — тоже нет. Вот такая жизнь. И она мне нравится. А до Володи я и не знала, что так бывает.

— Почти за тридцать лет совместной жизни были случаи, когда ваш брак пробовался на излом?

— Серьез — нет. Все в пределах разумного, как бывает в любом доме: какая-то ерунда, которая забывается.

— Мужу приходилось сильно переживать за вас на съемочной площадке?

— И не раз! Например, на картине "Десять лет без права переписки" по роману Александра Кабакова. Начали мы осенью, но что-то не клеилось, и съемки перенесли на зиму. Снимали на крыше знаменитого Дома на набережной, на семи ветрах. Моя героиня — певичка из ресторана — в длинном платье с открытой спиной, а на дворе — декабрь, холод,

по сценарию. Начали снимать, я видела, что Володя находится в предынфарктном состоянии, глядя на меня. Алов тоже стоял весь белый. Делон ведь довольно высокий и совсем не худенький. Я побежала по мостовой, пыталась его ухватить, но пальцы скользили по жилету, и он упал прямо на меня всем весом. А я своей спиной худенькой — на булыжную мостовую. Два дубля мы сняли, и потом недели три вся спина у меня была насыщенного черного цвета. — Хоть когда-нибудь у вас бываю капризы? Все-таки хозяин съемочной площадки — ваш муж, которым можно крутить-вертеть.

— Нельзя! Я вообще думаю, что жена режиссера — это катастрофа. Потому что я лучше других знаю, сколько у него проблем, чисто технических сложностей. Иногда замирает сердце, и хочется самой взять и забить гвоздь или найти лампу, которую не принес-ли. Какие уж тут капризы! Ему можно только помогать.

— Вы хозяйственная жена?

— Да! Я очень люблю готовить и печь. Правда, сей-

час, когда дочь уже взрослая, моя прыть и кулинарный азарт просыпаются чуть реже.

— А Наташа — мамина или папина дочка?

— И мамина, и папина. На папу она похожа характером. Закончила актерский факультет, стала сниматься, замечательно играла в "Белом празднике", а сейчас — в "Мадонне на асфальте" у отца. Там мы впервые вместе играем в кадре. Но она кончает еще и режиссерский факультет. Сама снимает цикл программ "Тысяча и один рассказ о кино". Написала сценарий по рассказу Тонино Гуэрры "Синий пес". Это истории: одиночества — судьба женщины и старой собаки. Если затея получится, то я сыграю, а Наташа снимет. Она очень талантливая девочка.

— Работать с дочерью проще, чем с обычной партнершей?

— Очень тяжело было в первый съемочный день. В "Мадонне на асфальте" я впервые после ВГИКа играла характерную роль — эскалаторную даму, чуть-чуть ненормальную в хорошем смысле: она и несчастливая, и трогательная, и очень смешная. Когда Наташа увидела напротив себя весь этот букет качеств, мы с ней несколько минут просто хохотали. А когда она поступала во ВГИК, я довезла ее до института, вернулась домой и села прямо на полу, в уголке. Находилась просто в беспомоществе — так переживала.

— Вы рассказывали про историю женщины и собаки. Я знаю, что у вас дома жил потрясающий пес — доberman.

— Он прожил с нами тринадцать лет. Когда он умер, Наташа, на мой взгляд, совершила настоящий подвиг. Мы пытались его спасти, и последние дни ему нужно было делать по 20 уколов в сутки. Я не смогла, а она смогла. Но в рождественскую ночь он умер. Мы тогда подумали, что для нас что-то остановилось в этой жизни, больше никогда — никакой жизни. Но как-то приехали за мамой на дачу, смотрим — на крыльце лежит клубок. Видимо, кто-то своровал котика, а он оказался больным. Повезли его в клинику, врачи сказали: не спасем. Но мы их уговорили, и в конце концов он стал поправляться. Но так одичал, что бросался на врачей. Нас убеждали, что он никогда не привыкнет к дому. Да и Володя всегда говорил: "Я — доberman. Никакой кошки в доме!" Я обещала, что отдадим кошку, как только вылечим. Но кто его, больного, возьмет? Первые два года он не давал себя погладить. А сейчас — более чистого, более нежного создания я в жизни не встречала. Его зовут Илья Ильич Обломов — голубоглазый персидский кот, пушистый, как облачко.

— Наталья Николаевна, у вас никогда не возникало желания коротко подстричься?

— Я знаю, что получится, поэтому никогда этого не сделаю. Долгие сидения в гримерной — по пять часов грима — сделали свое дело. Мне часто после "Тегерана" говорили: "Наташа, тебе так идет черный паричок!". Но я это знала, что паричок одевается почти над бровями, а лоб у меня начинается гораздо раньше. Я с удовольствием меняю себя на экране, но в жизни привыкла выглядеть так. Я консервативна, наверное. Мне уютно с моими волосами.

— Вы очень молодо и свежо выглядите, причем видно, что все свое...

— Да, спасибо.

— Но если вы перестанете нравиться себе в зеркале, вы пойдете на пластическую операцию?

— Нет. Для меня она просто невозможна, несоместима с моей жизнью. После нее ведь надо проснуться и увидеть себя — совсем не ту. Нет, я не считаю, что это плохо. Кому-то — замечательно. Плохо именно для меня. Я даже кончики волос не люблю подстригать — максимум на сантиметр. Надо мной парикмахеры смеются.

— У вас есть вредные привычки?

— Лоб морщу перед командой "Мотор!". "Наташа, не морщи лоб!" — говорят мне все режиссеры во все времена, начиная с Сергея Аполлинарьевича.

— И это все? Вы даже никогда не курили?

— Никогда! Хотя — нет, в фильме "Берег" героиня по сюжету курила, и вся группа в Гамбурге учила меня, как это делается. Обучение длилось двое суток. К концу первого дня я чувствовала, что у меня в груди нож, я не могла ни есть, ни пить. А курила все равно плохо. Когда я сожгла плащ, в котором должна была сниматься, мне сказали: "Все! Выбрасывай сигарету, пусть она не курит". Наверное, это непрофессионально, но я же старалась!

— Вы любите смотреть свои ранние картины?

— Я смотрю только то, что снимаю сейчас. А прошлые картины — нет. Только недавно я второй раз за всю свою жизнь посмотрела фильм "У озера". Его показали, когда Коля Еременко умер, и я села смотреть. Но это была как бы память: и Шукшин, и Коля, и Герасимов, и Раппопорт. Многие замечательные люди, которым я так обязана и так благодарна. Практически никого из них не осталось. Я смотрела, вспоминала и мысленно говорила всем "спасибо".

Катя ПРЯНИК.

Наталья БЕЛОХВОСТИКОВА: "Жена режиссера — это катастрофа!"